

Елена Милашина. Как мы вернулись в Чечню

Елена Милашина

С момента нападения на меня и адвоката Марину Дубровину в Грозном прошло больше месяца. В соответствии с законами Российской Федерации мы как пострадавшие сделали все, чтобы это преступление было зафиксировано и расследовано. Мы незамедлительно обратились к врачам, в полицию, в Следственный комитет России и к Уполномоченному по правам человека РФ.

Мои коллеги, в свою очередь, обратились к пресс-секретарю президента Путина с просьбой прокомментировать ситуацию, почему в Чечне регулярно нападают на правозащитников, на журналистов и теперь уже на адвокатов, которые вынуждены для работы «в самом безопасном регионе страны» обращаться за госзащитой (как это сделала Марина Дубровина). «Это не совсем вопрос Кремля. Это вопрос правоохранительных органов», – ответил Дмитрий Песков.

К сожалению, господин Песков не пояснил, какие именно правоохранительные органы он имел в виду. А поскольку у нас в стране развелось огромное количество правоохранителей, то нам с Мариной пришлось самим ехать в Грозный, чтобы найти тот самый орган, который возьмет на себя ответственность за расследование этого преступления.

Вместе с нами в Чечню полетел руководитель программы «Горячие точки» правозащитного центра «Мемориал» Олег Петрович Орлов. В Чечне нас встречал сотрудник Комитета против пыток Костя Гусев.

У каждого из нас был свой боевой опыт, полученный в ходе работы в Чечне. Веселая такая компания...

Поисковую операцию мы начали с отдела полиции № 1 УМВД по г. Грозному. Именно тут 7 февраля официально зарегистрировали наши заявления о нападении. У нас было несколько вопросов: кто конкретно (какой дознаватель) ведет проверку, какое процессуальное решение принято (все законные сроки для принятия решения уже вышли) и почему за целый месяц нас не проинформировали о том, как идет расследование нападения. Меня и Марину довольно быстро пропустили через КПП отдела полиции № 1 (надо сказать, что попасть на территорию отделов полиции Чечни обычным гражданам совсем не просто – в «самом мирном регионе России» полиция, Следственный комитет, прокуратура и суды продолжают существовать в режиме военного времени и представляют из себя хорошо укрепленные крепости). В канцелярии девочки долго выясняли судьбу наших заявлений (выданные при регистрации номера КУСП никак не пробивались по базе). И очень удивились, что мы с Мариной стали жертвами нападения практически в центре Грозного.

– Вы уверены, что на вас напали в Грозном? – спросила девушка в хиджабе, в модном платье до пола, но с полицейскими нашивками.

– А то! – ответила я.

– Как вас угораздило? – искренне удивилась вторая девушка с бантиком на голове в еще более модном форменном платье, явно пошитом в ателье. – А нас вот этот гражданин не любит, – я ткнула пальцем в висящие на стене портреты Ахмата и Рамзана Кадыровых.

Вопросов девушки больше не задавали.

Наконец получасовой поиск в полицейской базе выдал следующую информацию.

Наши заявления о нападении были зарегистрированы ночью 7 февраля. В тот же день опер Аюб Докуев сложил их стопочкой и послал в Ленинский следственный отдел следственного управления ЧР. Ленинский СО получил наши заявления в понедельник, 10 февраля, и уже 12 февраля отфутболил их обратно оперу Докуеву. От улицы Гайдабаева, 31 (ОП № 1) до улицы Гаражная, 96 (СО Ленинского района) – примерно 11 минут на машине, или чуть больше километра. Это грандиозное расстояние наши заявления преодолевали 8 дней («Вам еще повезло, так как обычно почта ходит по Грозному от одного до двух месяцев», – сказала нам одна из девушек в полицейской канцелярии). 19 февраля наши заявления наконец добрались до отдела полиции и... в тот же день убыли в прокуратуру Ленинского района. Так, по крайней мере, сказала нам девушка-полицейская: «19 февраля участковый Сабиев Шамиль без сопроводительного письма изъясил ваши заявления для передачи в прокуратуру Ленинского района».

– И где сейчас валяется наш материал проверки? – улыбнулась адвокат Дубровина.

– Попробуйте поискать в прокуратуре, – послали нас девочки.

Прокуратура Ленинского района находится в соседнем с отделом полиции № 1 здании. То есть не более одной минуты размеренным шагом. Нас пропустили внутрь и велели подняться на второй этаж в канцелярию. В канцелярии мы сказали, что по совету пресс-секретаря президента РФ пытаемся найти правоохранительный орган, который осмелится начать расследование по факту нападения, совершенного на нас в Грозном. Но для начала нам нужно найти сами заявления, следы которых теряются в прокуратуре Ленинского района.

– У нас сегодня приемный день, – обрадовала нас девушка в канцелярии. – Хотите к прокурору?

Прокурор Ленинского района Дмитрий Анатольевич Пихуля, молодой человек щеголеватого вида, недоверчиво отнесся к нашим

утверждениям о том, что с 7 февраля до 11 марта нас, заявителей, никто не уведомил о ходе проверки по нашим заявлениям.

– Я незамедлительно прикажу провести свою проверку, и если это так, как вы говорите, то виновные понесут ответственность.

– Что значит «если это так»? – спросила Марина Дубровина. – Вам недостаточно наших слов?

– Насколько я знаю, ваши заявления решением прокурора республики Чечни Шарпудди Муайдовича Абдул-Кадырова были изъяты из отдела полиции и переданы для расследования в Следственный комитет. Так сказать, в связи с общественным резонансом, – пояснил Пухуля.

– А Следственный комитет тут же вернул эти заявления обратно в полицию. А из полиции они тут же были истребованы Ленинской прокуратурой, которой вы руководите. Это было еще 19 февраля, и с тех пор ни следственный комитет, ни полиция не имеют доступа к этим материалам и не могут осуществлять расследование. То есть получается, что именно прокуратура Чечни препятствует следствию? Правильно я поняла? – спросила я Пихулю.

– Вы задаете мне какие-то журналистские вопросы, – ответил Дмитрий Анатольевич и, кажется, обиделся. – Ваши заявления забрали на изучение в прокуратуру, а после изучения было принято решение о направлении материала для проведения проверки в Следственный комитет.

– Повторно?

– Да!

– Дмитрий Анатольевич, в материале проверки нет ничего, кроме наших заявлений и наших же справок из травмпункта. Сколько времени нужно чеченской прокуратуре на изучение этих бумажек? С 19 февраля прошло уже 20 дней. В прокуратуре Чечни плохо с русским языком?

– У вас опять журналистские вопросы! – возмутился Пихуля.

– У меня вопросы человека, который в ладах с логикой, – мое

терпение окончательно лопнуло. – Или в прокуратуре Чечни работают неграмотные сотрудники, или чеченская прокуратура занимается так называемым пинг-понгом, перекидывая наши заявления из полиции в следственный комитет и затем обратно, чтобы ни полиция, ни следственный комитет не могли расследовать это преступление. Зачем? Тоже понятно. Через месяц на запрос следователя по этому делу об изображениях с видеокамер, которые зафиксировали нападение и нападавших, придет ответ: в связи с тем, что с момента нападения прошло много времени, записи не сохранились, перезаписались или еще каким-то образом уничтожились. При расследовании преступления именно время имеет ключевое значение. Действия чеченской прокуратуры привели к тому, что преступление, которое можно было расследовать за один день – достаточно изъять и посмотреть видеозаписи с камер наблюдения, под которыми нас избивали, – остается нераскрытым. Улики и доказательства, скорее всего, утрачены. Преступники на свободе. Более того. Не только уголовное дело по факту нападения на нас до сих пор не возбуждено, нет даже решения, полиция или СК и какой именно следователь его расследует. Вы считаете это нормальным?

– Напишите жалобу на мое имя, все ответы мы дадим вам письменно, – ответил нам Пихуля.

На следующий день, 12 марта, мы действительно получили ответ на свою жалобу. В этом ответе говорится о том, что наши заявления на протяжении месяца передавались из полиции в прокуратуру, из прокуратуры – в Следственный комитет, из Следственного комитета – в полицию, из полиции – в прокуратуру, из прокуратуры 10 марта (по странному совпадению ровно накануне нашего приезда в Чечню) – опять в Следственный комитет. И об этом нас, оказывается, каждый раз уведомляли. Не получили ни одного уведомления? Все вопросы – к «Почте России».

«Таким образом, доводы о нарушениях ваших прав не подтвердились».

P.S.

12 марта, когда мы уже уехали из Чечни, мне позвонил следователь Следственного управления СК ЧР Аюб Тарамов и сказал, что ему поручено вести расследование нападения на нас. Следователь пригласил меня и адвоката Марину Дубровину для дачи подробных показаний. Я ответила, что мы скоро вернемся в республику. А пока пусть не сидит сложа руки и хотя бы запросит видеозаписи с 27 камер наблюдения, установленных в гостинице «Континент», в которой на нас напали.

– Вряд ли вам, конечно, удастся получить эти записи, но все равно попробуйте. Сделайте хоть что-то, в конце концов! – попросила я следователя.

– Почему вы так уверены, что записей уже нет? – спросил Тарамов. – Я, например, точно уверен, что мы все получим.

– А давайте поспорим на бутылку шампанского! – предложила я.

На том и порешили.

По тексту Елены Милашиной